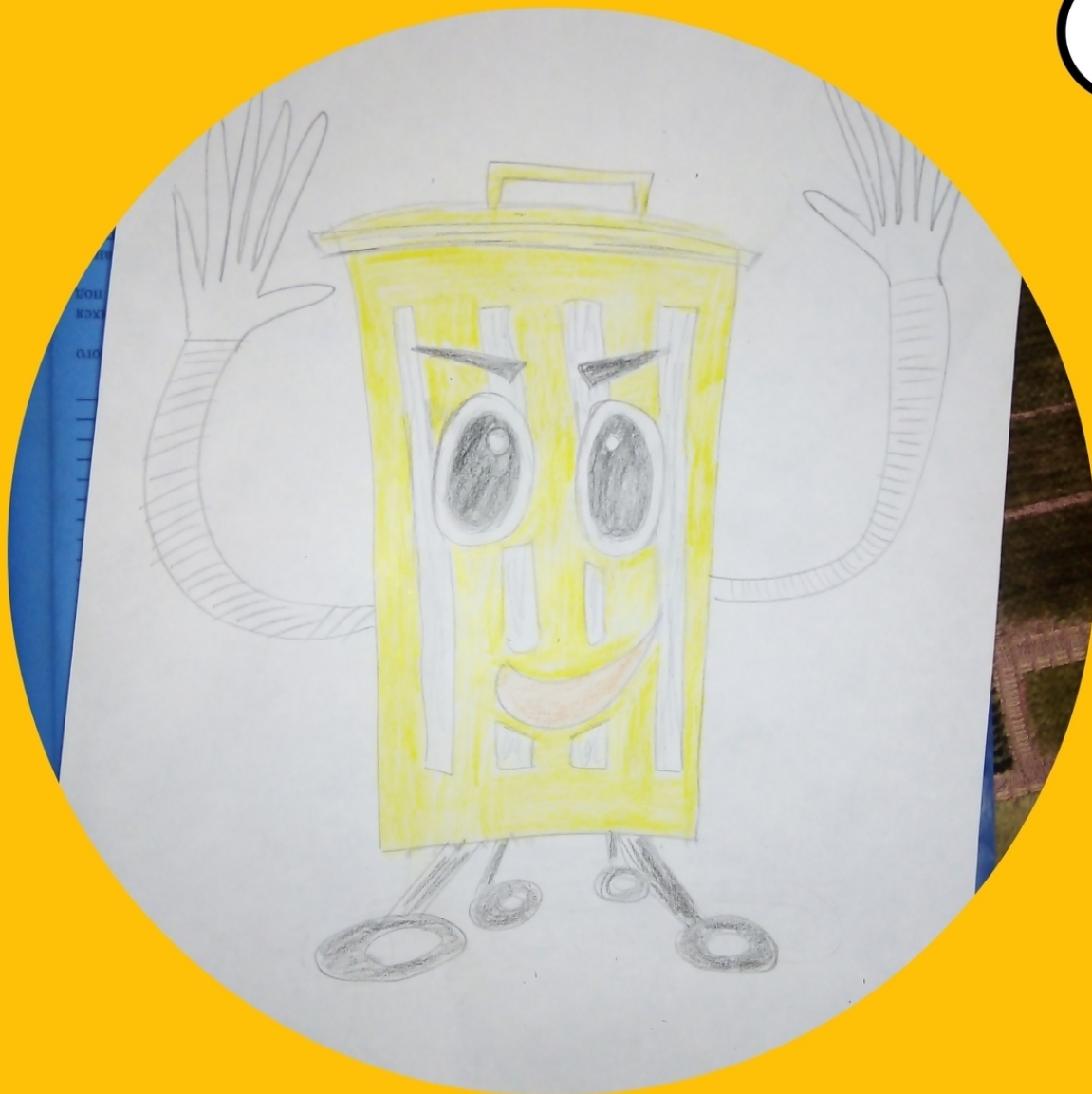

Лиса Фарова

12+

Уник - музыкальная урна

Лиса Фарова

Уник – музыкальная урна

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Лиса Фарова

Уник – музыкальная урна / Лиса Фарова — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Уник - единственный в своем роде мусорный бачок, наделенный музыкальным слухом. Вопреки обществу и принятым нормам, Уник с детства сочиняет музыку и поет. С возрастом у него возникают проблемы из-за его странной тяги. Уник встает перед выбором: или родные, или мечта. Ему предстоит много пережить и понять, прежде чем он решится на отчаянный шаг. Только куда приведет его выбранная им дорожка?

Содержание

Уник	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Лиса Фарова

Уник – музыкальная урна

Уник

Я, Уник, совсем новый мусорный бачок, ещё маленький и маловместимый. Как и все новенькие урночки, я появился на свет после того, как мама с папой поженились. Меня вырезали из верхней части моего отца. Эдик – начальник мусорной службы вырезал. Наш Биг Босс. Он, как Харон – посредник между миром людей и миром урн. Мама говорит, что они с папой наблюдали, как я появлялся на свет из их материала, как и многие молодые семьи, выждавшие очередь на малыша. Биг Босс задал специальную программу компьютеру, и у меня появились рот, нос, глаза, уши, руки, ноги, то есть четыре маленьких колесика вместо ножек. Мы не ходим, мы ездим. И покатилося.

Я родился в семье мусорных урн. Да-да, мусорных урн. Урночек для отходов, каких в каждом городе пруд пруди. Я серый цилиндрический жестяной мусорный бачок на колёсиках, серый с откидной крышечкой на петельках. У нас у всех мусорников есть крышки и колёсики. Под крышки мы собираем отходы, которые необходимы нам, чтобы жить и расти. С колесами наша жизнь хоть чуточку приобретает разнообразие и уверенность. Если бы не колеса, то шансов выжить у таких как я, было бы пятьдесят на пятьдесят. Людской мир огромен и жесток. Хотя люди, в основном, порядочные и добрые существа, но попадаются и отмороженные экземпляры. Наш учитель, господин Мо, рассказывает на уроках о том, как выжить в этом прекрасном и ужасном мире. Господин Мо учит нас служить людям, потому что мы создаем для его блага, для его здоровья и комфорта. Мы делаем мир чище, отвечаем за чистые улицы, дома и офисы. Это смысл нашей жизни. Нашей с людьми жизни. В общем, мы – мусорщики. Это наша судьба, и мы должны гордиться тем, что делаем. Делать это, высоко подняв крышку.

Мои родители – урны для бумаги и для пластика. Семьдесят и восемьдесят сантиметров в высоту и тридцать, сорок – в диаметре. Такие же серые, неброские, каких множество.

Мама с папой работают на центральной площади, шныряют туда и сюда на виду у прохожих на случай, если им нужно будет что-то выбросить. В основном, люди подзывают, чтобы бросить фантики, палочки, стаканчики, но есть и те, кто бросают мимо или специально на землю. Благодаря нам улицы чисты. Мы всегда на страже. Я буду продолжать дело моих родителей. Это я усвоил.

Я учусь в школе "obey". Это не от слова "убей", а от слова "obey", что значит, подчиняться, покоряться.

Вообще, я не могу долго сидеть на одном месте. Наверное, я, как мама с папой, мне хочется лететь, как ветер, увидеть мир или начать скорее работать. Учитель говорит, что нам надо набрать массу, за счёт того, что мы пишем лекции на уроках и дважды за восемь часов занятий буквально поглощаем эти записи, то есть закидываем в себя. За два года мы должны будем стать крупнее и встать на биржу труда к Эдику. Эдик – человек, наш царь и бог, наш работодатель. Он распределяет, кому, где работать, кому, кого подменить, кому родиться, а кому уже пора на покой. Эдик – хороший друг кому-то и тот, кого опасаются старые мусорщики.

Живём мы в подвалах и цоколях зданий. Наши квартирki – это встроенные подсобки. Каждой семье по четыре квадрата. Мы ночуем в них. Нам хватает. Когда мама с папой дежурят ночью, раз в неделю, я ночую дома один. Я не боюсь. Почти.

– Уник, ты готов, милый?

Мама спешит на работу. Меня надо проводить в школу через две улицы.

– Мам, я могу сам доехать. Я уже не маленький.

– А какой же? Давай живее. Выходим.

Папа уже уехал. У него сегодня было ночное дежурство, и он остался работать в день за товарища. Папа любит работать. Может, если он наберёт массу, подрастёт еще немного, мы заведём ещё одного малыша. Только это секрет. Я послушал разговор родителей. Им мало меня.

По дороге мама несётся, как ветер. Как ловко она объезжает потоки людей, машин. Вау! А я так смогу когда-нибудь?

Если бы она не держала меня за руку, я бы потерялся. Я, вообще, медленный.

Урок.

– Кто мне перечислит основы чистых улиц?

Господин Мо – некрупная мусорная корзина, темно-красного цвета. Некрупная, но широкая, потому что у него четверо своих детей, троих он уже пристроил в разные человеческие фирмы. Они – урночки для бумаги, красивого красного цвета, не то, что у меня. Четвёртый его сынок, выскочка, учится со мной в одном классе.

– Уник, перечисли, пожалуйста.

Я перевёл взгляд с окна на учителя. Если честно, я прослушал лекцию и его вопрос. Я мысленно находился не на уроке, а где-то далеко. Я воспроизводил по памяти мелодию, которую слышал утром из открытого окна машины. Красивая машина. Синяя с красными полосами вдоль дверей, а из окна лилась чудесная музыка. Женский голос мелодично тянул грустные слова. Кажется, она прощалась с любимым и была в отчаянии. И почему-то эта песня до сих пор не выходила у меня из головы.

– Уник, я жду, – повторил господин Мо, требуя ответа, которого я не знал. На моем листке была нарисована синяя машина с красными полосками. Ребята тянули руки, а Вьюнок – сынок учителя, изнемогал от желания блеснуть знаниями.

– Это все, что ты сегодня поглотил? – ровным, недовольным тоном осведомился учитель. – Это ты в окне увидел? – указал мне на моё художество господин Мо.

– Утром видел, – ответил я, опустив глаза.

– А лекция прошла мимо тебя.

– Извините, я не специально.

– Я не стану повторять этот урок. Ты должен будешь подготовить материал с родителями дома. Надеюсь, они хорошие педагоги.

Я промолчал, устремив взгляд в пол. Родители работают. Вряд ли они поймут, если я попрошу их мне диктовать ночью лекции. Ребята смотрели на меня с укором, а Вьюнок высокомерно ухмыляясь. Мне было стыдно, но волнующая мелодия не уходила из моей головы. Она проникла под крышку и заполнила мое подсознание каким-то образом, хотя меня должна заполнять лишь бумага и информация о моей будущей жизни.

– На кого ты хочешь быть похож, Уник? – спросила как-то одноклассница Офея на перемене.

– Я не знаю, – неуверенно пожал плечами я.

– Ну, брось! Как не знаю? Не задумывался? Например, как родители или господин Мо, – пыталась подсказать другая одноклассница Лия.

– Учитель Мо очень важный, умный, у него большие связи, – добавила Офея..

– Да, он знает все о нашем мире. Чтобы жить долго и быть полезным, – добавил Мусик, узкоглазый, тонкоротый серый бачок.

– Я буду такой, как моя мама. Буду работать в офисе на крутого важного босса, – заявила Офея, маленькая пластмассовая серенькая корзина.

– Как Биг Босс Эдик? – уточнила Лия.

– Нет, мой Босс будет важнее. Биг Босс мне будет нипочем, – задрав брови от важности, пробормотала Офея.

– Уник, будет, как его папа. Жестяная серая урна. Значит, на улице. Кто твой папа, Уник?

– Урна для бумаги, – простодушно ответил я.

– Ну вот, как папа, – сделала вывод Лия.

– Почему, как папа? Может...

– Как мама? – предположила снова Лия.

– Может, не на улице, а например, в театре или ...на радио – смущенно произнес я.

Все залились звонким разнотонным смехом. Ухахатывались. Лия даже не удержалась на колёсах и свалилась назад.

– На радио, – выдавила сквозь смех Офея.

– И вовсе не смешно, – обиделся я, – нельзя судить по родителям. Нельзя судить по внешности. Вы все ...

– Да, видно ты вообще не слушаешь учителя Мо. Он же готовит нас к жизни в реальном мире, а не в твоём сломанном воображении. Все мы нужны людям для чистоты и здоровья. Быть полезным обществу – наше предназначение. Иначе не выжить, – провёл курс лекции Мусик.

– А откуда вы знаете, что учитель Мо говорит правду? Он судит по себе. Он говорит нам то, что говорили ему. Он думает, это закон жизни. А я вижу иначе, – распалился я, не зная, как выразить свое несогласие со всеми.

– Тогда у тебя проблемы, – заключил Мусик, ухмыляясь.

– Со зрением, – продолжила Офея.

– Нет, проблемы покрупнее. От тебя избавятся, – договорил одноклассник.

С тех пор я не понимал себя. Меня затапливало море ощущений, волны звуков высоких и низких, ритмичных и протяжных, весёлых и грустных. Слова на те мелодии рождались сами собой, независимо от меня, от того, занят ли я или свободен. В основном, слова о том, как я несчастен, о том, что я далеко, не там, где должен быть. На уроках я писал тексты, не под диктовку господина Мо о жизни на чистой планете, а о любви, тоске или о счастье. Тексты, горячие, как пирожки из печи. Я выплескивал их на бумагу и съедал с удовольствием, чтобы никогда не забывать. В итоге я совсем не усвоил год учёбы в школе мусорщиков. Учитель Мо вызвал моих родителей к себе.

– Наверное, вашему сыну тяжело пока воспринимать информацию. Он, как бы это сказать...

– Что с ним не так? – взволнованно произнесла мама.

– Успокойтесь, пока это не приговор, но...

– Не тяните, учитель, – не выдержал папа.

– Он, скорее всего, запаздывает в развитии. Рассеян, невнимателен, невосприимчив к новой информации. Он не говорил о своих проблемах в обучении?

– Нет, ничего. Мы думали, все хорошо. Мы много работаем. Нам некогда заниматься его образованием. Он же здесь.

– Я понимаю, но ему придётся проучиться я ещё год в нулевом классе. Хорошего мало, но может, он дойдёт к следующему году. Пока вам придётся заниматься с ним самим.

– Но как? Мы служим обществу.

– Это прекрасный живой пример. Это наглядно покажет ему, для чего мы живём. Больше говорите с ним, задавайте наводящие вопросы, чтобы добиться логичных ответов о важности сосуществования форм жизни на земле. Развивайте в нем интерес к обучению. Иначе вашему мальчику будет туго, вы же понимаете. Не закончит школу. Не сдаст экзамены. Не устроится на работу. Не будет нужен никому и попадёт на утилизацию.

– Не говорите этого, прошу вас, – трясущимся руками всплеснула мама и закрыла лицо в отчаянии.

– Мы поняли серьёзность положения, господин Мо. Мы постараемся исправить его, – послушно кивал головой папа. Вид у него был потерянный.

– Что нам делать с нашим Уником, Бум? Мы назвали его Уником. Думали, он будет уникальным мусорщиком, умненьким и успешным. Бум, за что нам такое наказание?

– Не спеши с выводами, жена. Он наш уникальный и умный мальчик, и ничто не в силах это изменить, – гордо говорил папа, обнимая жену.

– Дай то Бог. Дай то Бог, – утирала слезы мама.

Озадаченная пара последовала домой к сыну. Сегодня был выходной. Нужно было про- вести его с сыном.

Я был дома. Мне нельзя было выходить одному, я был ещё мал и несамостоятелен. Пользы от меня ещё никакой, значит, не стоило мешаться под ногами.

– Мам, пап, я сочинил музыку. Послушайте.

И я начал мычать и петь свою грустную песню о несправедливости жизни. На втором куплете меня остановила мама.

– Стоп, стоп, это ещё что такое? Зачем?

– Мам, правда хорошо получается?

– Что хорошо? Слова?

– Это песня, мам. Я сам сочинил.

– Зачем? Это школьное задание?

– Нет. Я придумал это сам.

– Бум, я не понимаю. Для чего он тянет слова?

– Где ты слышал эту песню? Она тебе понравилась? – подключился к опросу отец.

– Я сам, – вздохнув, снова ответил я.

– Уник, ты сочиняешь песни на уроках? – недовольно спросил папа.

– Нет, они в моей голове постоянно.

– В твоей голове должна быть мысль о работе. О будущем, если ты хочешь жить, – раз- разилась в тихой истерике мама.

– А петь в нашей жизни нельзя? – попробовал я отстоять свои идеалы.

– Зачем петь? Смысл? Ты скоро будешь мусорщиком. Ты должен грезить об этом.

– Мам, а ты никогда не пела? Ты хотя бы слышишь иногда музыку?

– Слышу. Музыка для людей, сын. Песни поют люди. Мы сотворены для других целей. Мы должны ненавязчиво быть у людей под боком, и все. Как ты не можешь это понять?

– Я могу быть музыкальной урной.

– Это не нормально, сынок. Если бы людям было это нужно, они бы давно встроили в нас музыкальные чипы. Папа бы пел, я бы пела и ты. Но у них уже есть музыкальные центры и айподы, и телефоны с функцией музыки. У всего в мире свое место. Усвой уже свое. Будешь мешаться под ногами, попадёшь в немилость к ним, а вскоре в утилизацию.

– Дорогая, он не знает, что это такое, – отчаянно выдохнув, добавил папа.

– Утилизация – это когда от тебя избавляются, как от хлама, бросают в огромный черный контейнер, что перерабатывает железо, и тебя больше нет.

– Сынок, мама говорит, что нам не дотянуться до звёзд. Они слишком высоко. Поэтому нужно быть хорошим специалистом на своём уровне.

Я ничего не ответил. В глазах застыла обида, непонимание. В жестяной маленькой душе яро бурлила обида. Я еле сдержал дребезжавшую от негодования крышку. Сдержал. Мне нечего было им больше сказать. У них было другое видение мира. Мои родители – мусорщики. А я точно понимал, что не хочу идти по их стопам. Хотя бы потому, что они рады никчемной своей судьбе и желают того же своему сыну.

Неужели никто до меня не мечтал? Неужели никто не заглядывал выше своего носа? Над нами действительно звезды. Они поют и танцуют. Они живут свободно и счастливо. Вот о каком счастье я толкую. О ярком, громком счастье.

– Уник, не тормози.

Мама тянет меня за собой по Кристальному проспекту. Мы летим на всех парах на площадь Звёзд, на лучшую в мире мамину с папой работу. Возможно, и мою в будущем.

Папа работает на правой стороне, катается, обгоняя людей и бдитительно поглядывая на руки прохожих, кому нужно бросить бумажку.

– Не пьяйся, сын. На людей надо смотреть отрывисто, не постоянно. Стой и смотри на нас.

Мама набрала скорость и понеслась на всех парах к парочке на лавке. Они раскупоривали мороженое. Полиэтилен по ее части. Если это полиэтилен или пластик. Она встала по правую сторону от людей с мороженым. Не глядя им в глаза. Как бы невзначай. Парочка бросила обертки в серую урну, и продолжили милое общение. Мама хотела было поехать дальше. Вдруг резко встала. Крышка начала подпрыгивать. Мама поменялась в лице и начала искать глазами папу. Папа увидел и рванул к ней, я тоже. Что это такое? Я впервые так испугался.

– Мама, мама... – завопил я очень громко на подъезде к ней.

– Не кричи, – приказала мама.

Папа открыл свою крышку. Мама выплюнула фантики так, что папа их поймал в себя.

– Не волнуйся, это не страшно, – объяснил папа. – Маме попала не полиэтиленовая обертка, а бумажная. Мама выплюнула её мне. Поэтому мы тут в паре и работаем. Её организм отторг бумагу. Она переваривает только пластик и полиэтилен. Бумага, картон – это моё дело.

– Ей не больно?

– Нет, неприятно немного, – призналась мама. – Ты привлёк ненужное внимание. Надеюсь, никто не пожалуется, – отвела меня в сторону мама. – Стой здесь, пожалуйста. Нам с папой надо работать. И не привлекай ничье внимание. Будь невидимкой. Хорошо?

– Хорошо, – недовольно, вздохнув глубоко, сказал я. Мама с папой переглянулись. Они не верили, что я сдержу слово. И правильно.

Не прошло и десяти минут бесполезных наблюдений, как моим вниманием завладел большой уличный экран. Огромный экран включился. На нем отобразился цветной эквалайзер, и по всей площади полилась чудесная громкая музыка. Классическая музыка. Имена композиторов, авторов этих волшебных шедевров, я слышал впервые, но запомнил на всю жизнь. Чайковский, Рахманинов, Мусоргский. Особенно Мусоргский. Фамилия до боли родная. Может, он тоже был из семьи мусорщиков? Надо бы узнать о нем побольше.

Музыка заполняла воздух Кристального проспекта и нашей площади. Ею дышал каждый прохожий и каждая собака задирала нос выше, вдыхая глубже аромат чуда. В воздухе летала весна, тонкий запах цветов, альпийской свежести, временами нотки черемухи и акации и морской бриз, пронизывающий душу насквозь. Даже фонтан струил в такт Мусоргскому и Чайковскому. Даже девочка, которая только сегодня надела роликовые коньки, в пять минут, словно на крыльях вальса, стремительно закружилась вокруг танцующего фонтана. Она была вдохновлена и счастлива. Она пела. Я был вдохновлен и бескрайне счастлив. Неужели мама с папой не чувствуют похожих эмоций. Неужели их не трогает атмосфера счастья, как меня и человека.

Я не заметил, как покатил к счастливой девочке и принялся кружить с ней вместе вокруг фонтана. Я старательно переваливался то на одну сторону, то на другую. Накренялся, кружился и мычал мелодию. Я протянул ей свою шлангоподобную руку с шестью пальцами. Она схватилась за нее и широко мне улыбнулась. И мы полетели, чередуя правые и левые колеса, наклоняясь то влево, то вправо. Мы сочиняли новый танец и новую песню.

На очередном повороте нашего танца возникла недовольная женщина. Она была высокой и изящной. Она была в персиковом строгом костюме, выглядела недовольной. Моя новая знакомая попыталась остановиться и упала на колени, ободрала руки. Я не успел среагировать,

я был увлечен яркой, негодующей особой. Увидев, что моя подруга на брусчатке, я попытался ей помочь. Но женщина, яростно сморщив нос, оттолкнула меня с такой силой, что я свалился на бок и покатился по площади. Ощущение скверное. Будто внутри у меня все перемешалось: бумажки, которые я употребил утром, эмоции, бурлившие во мне еще минуту назад, наставления родителей, предостережения учителя Мо – все смешалось и кружилось. Из меня вывалился полупереваренный завтрак. Подъехали мои родители.

– Сынок, что ты натворил? – вполголоса прошипел папа.

– Уник, это перебор! – прошипела следом мама.

– Это немыслимо! Это, действительно, перебор! – запротестовала, задыхаясь от негодования, женщина. Она поднимала с брусчатки дочь и злобно шипела на семью мусорщиков.

– Простите, ради Бога, это ошибка. Наш сын еще мал. Он не совсем понимает действительность, – затараторила мама, не поднимая глаз с брусчатки.

– Это ваш никудышный отпрыск? Я буду вынуждена позвонить, куда следует, чтобы улицы тщательнее контролировались соответствующими структурами. Разве можно выходить на работу с ребенком? А?

Женщина была вне себя от негодования.

– Простите, еще раз, этого не повторится, – смиренно опустил взгляд папа. – Не стоит никуда звонить. Это в первый и последний раз.

– Научите своего ребенка соблюдать дистанцию. Чистота – залог здоровья. Не так ли?

– Да, безусловно, – закивал папа, но был готов провалиться от стыда. – Чистота для вас, мусор для нас. Мы знаем. Мы объясним. Нам пора. Всего доброго, госпожа.

Папа сильно схватил меня за руку и поволок прочь, на другую сторону площади. Всю дорогу он молчал, объезжал прохожих и, наверное, хотел провалиться сквозь землю. Мама нас догонять не стала. Она продолжила работать. Хоть кто-то должен быть на виду. Хоть кто-то должен быть на страже чистоты. Это и к лучшему. Не хотелось бы выслушивать мамину зверскую истерику сквозь зубы. Мне сейчас хватит и папиного серьезного разговора. Все, приехали. Папа уставился на меня. Минуту внимательно смотрел, выбирал слова. Что еще он может мне сказать?

– Сын, ты огорчаешь нас с мамой. Каждый день все больше. Вот уже завтра из-за тебя у нас на работе будут проблемы. А мы на хорошем счету у начальства. У нас хорошая репутация, положительные характеристики, послужные списки. А ты, сынок? Что ты творишь?

– Папа, но музыка...

– Музыка ладно, я слышал. Но речь о девочке. Зачем ты подошел к ней? Нам нельзя прикасаться к людям. Мы – уборщики. Ты понимаешь, что люди и мы, не можем дружить? Это укладывается в твоей пустой голове?

– Да, но я нечаянно. Когда я слышу музыку, я не владею собой. Я постараюсь пресекать такие порывы. Расстояние. Дистанция. Субординация.

– Видишь, ты не глупый, сын. Ты способный малый. У тебя блестящее будущее в нашем деле. Соберись.

Отец радостно потрепал меня по крышке. Его жесткие прутки-пальцы ритмично, поочередно простучали по поверхности моей ребристой крышки. Неожиданно для себя я услышал приятные звуки, похожие на музыку. Я чокнутый! Я помешался на запретном. Что я за существо! Стоит мне что-то запретить, как я тут же делаю то, что мне запретили. Я просто ходячая проблема. Ничего не могу с этим поделать. Но я обещал папе, что постараюсь это изменить. Опять запрет. Уник, держи себя в руках. Ты же способный. Папа похвалил тебя сегодня. Даже после того, что ты наделал. Папа видит во мне толк. Верит в меня. Я не должен его подводить.

После двухчасовых нотаций мамы дома мы успокоились и заснули почти в полночь. Было решено на работу с собой меня больше не брать. Мама раздобыла у соседей, семьи Мусика, лекции: «Основы чистых улиц. Основы чистых домов. Офисов. Чистота – залог здоровья. Человек

– друг – босс. Человеческий ребенок – источник опасности. Улица и проблемы» – целая кипа лекций. Он что, копит их? В рамочку дома ставит эти бумажки? В общем, я вынужден остаться дома и переписывать эти лекции. Выучить и рассказать эти основы вечером родителям. Отец оставил мне немного картона и пару листов бумаги, чтобы я подкрепился. Я – бумажник, как отец.

– Мусорщик должен быть рядом с человеком, но не путаться под ногами. Мусорщик – опора и защита человека от загрязнений. Источники загрязнений для человека: коробки, обертки, пакеты, баклажки, баночки (алюминиевые, пластиковые, стеклянные), тряпки, железки, деревяшки и т. д. Бытовые отходы...

Вдруг, послышался еле различимый звук. Приятный, тонкий звук. Звук колокольчика. Прекратился. Я прислушался. Ждал его снова, но его не было.

Мне показалось. Снова мое больное воображение, – пронеслось следом внутри меня. Я продолжил писать.

– Бытовые отходы...

Только я начал писать, как колокольчик снова задрезжал. Звук шел с улицы, откуда-то издали. Красивый, тонкий, короткий. Потом колокольчик звучал долго, с переливом. То ритмично, то замедлялся. Я не мог больше сосредоточиться на учебе. Мной овладела музыка. Бесполезно стараться, я ловил мелодию. Надо открыть дверь, так будет лучше слышно. Открыл. Кто-то звонил в колокольчик. Кто бы это мог быть? Что за шоу? Я пошел на звук. Невозможно было противиться любопытству. Интересная странная музыка. По мере приближения к источнику звука я понял, что это не колокольчик, а кто-то отбивает ритм на барабане. Так ловко. Так профессионально. Я катил, опасаясь, оглядываясь, к подземному переходу. Музыка отступивали там. Я скатился по пандусу, оказался внизу. Здесь звук был просто оглушительный. Музыка вылетала из-под палочек уличного музыканта, парня лет восемнадцати. Она вылетала и врзалась в пустые стены, в высокий потолок подземки, окутывала каждого, кто проходил, кто стоял, не в силах оторваться от его увлекательной игры. Парень виртуозно двигался, создавал ритм и сногшибательное впечатление. Его впечатляющая игра на ударной установке с тарелками и педалями цепляла и держала в оцепенение толпу и меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.